

Сергей Петросян
Странник
Авантюрная повесть

Сергей Петросян

Странник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8375047

ISBN 9785447402501

Аннотация

Что может связывать опального вождя революции, московского плейбоя-дауншифтера и балканских контрабандистов? Об этом вы узнаете из новой книги Сергея Петросяна «Странник».

Странник

Авантюрная повесть

Сергей Петросян

«Состояние мира для человечества — не что иное, как усталость...»

Гарегин Нжде «Открытые письма армянской интеллигенции»

21 января 2009 г., Банско, Болгария

© Сергей Петросян, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Еловые дрова уютно потрескивали в огромном камине. Немного щипало глаза от дыма, но после прогулки по ночному замерзшему городку ощущение тепла и комфорта пьянило словно вино.

— Братцы! Можно я скажу? — зажатый столом Миша попытался перекрычать трио цыган, голосивших в дальнем углу зала, — Как бы их потише-то сделать?

Сидевшая ближе всех к гуляющим между столиков музыкантам Бэла изобразила в их сторону баскетбольный жест «тайм-аут» и пожилые брюнеты, проорав в последний раз «Ромалэ! Чавалэ!», вежливо умолкли. Миша благодарно посмотрел на Бэлу и, слегка оттопырив зад, приподнялся над столом.

— Стоять тяжело — буду краток. Друзья, прекрасен наш союз! За «Зеленую милую», за наш дружный московский коллектив и за человека, который нашел это чудное место и всех нас здесь собрал — за Андрея!

* * *

«Горнолыжный курорт Банско находится в юго—западной части Болгарии, у острогов Пиринских гор, одного из самых красивых горных массивов», — сообщал путеводитель. Первый раз Андрей попал сюда лет десять назад. Сложилась разношерстная горнолыжная компания на новогодние праздники, и надо было выбрать место побюджетней, чтобы каждому было по карману. Первое впечатление было не самым радужным — номер в маленькой частной гостинице больше напоминал железнодорожное купе. «Тепло, горячая вода есть — что еще надо?» — успокаивал себя Андрей, но сожаление от того, что пришлось отказаться от поездки в Три Долины, не проходило.

Утром за завтраком в маленьком кафе все нервно шутили по поводу размера комнат и предположили, что высота здешних гор должна им соответствовать. Возле гостиницы туристов ждал потрепанный микроавтобус. Десять минут поездки по лабиринтам средневекового городка оставили двойственное впечатление. На тротуаре рядом с современным супермаркетом были свалены дрова, а дорогуший внедорожник тащил за собой прицеп — деревенскую телегу, груженую сеном. Наконец водитель высадил горнолыжников у гондольного подъемника под неоновой вывеской «*Кабинокв лифт*». Здесь все выглядело на удивление пристойно — хорошо оборудованная станция, новые турникеты и кабинки, видеоэкраны с информацией... «Внешний лоск», — скептически решили все.

Скептицизм начал улетучиваться по мере подъема к зоне катания. Стало понятно, что высота здесь приличная, а крутые склоны были покрыты вековыми елями как на иллюстрациях Билибина к детским сказкам. То есть, пейзаж уже порадовал — это не были голые скалы, как на большинстве горнолыжных курортов. Через час катания от разочарования не оста-

лось и следа. Красота здешних мест и обилие снега вызывали чувство эйфории. Немного смешили местные тренеры в куртках, полностью повторявших угловатый дизайн жестяных банок советской сгущенки и надписи на трансформаторных будках: «*He пипай! Опасно за живота!*». На склонах была слышна английская, греческая, болгарская, русская речь. Глнтвейн лился рекой, а запах жареного мяса из многочисленных кафешек будил низменные инстинкты. Любой «чайник» начинал чувствовать себя Ингемаром Стенмарком, покорителем вершин и женских сердец. Катались до изнеможения, до дрожи в коленях. День подходил к концу, но снег не отпускал – хотелось снова и снова нестись вниз, навстречу лежащей вдалеке солнечной долине, на которой словно на карте были разбросаны крошечные дома и дороги.

Еще один приятный сюрприз ждал возле верхней станции гондольного подъемника. Здесь уставшие за день туристы отстегивали лыжи и рассаживались по кабинкам, чтобы расслабленно плыть вниз к ждущим на парковке автобусам. Андрей обратил внимание, что многие лыжники проезжали мимо места посадки и исчезали на лесной просеке. Оказалось, что прямо в городок по живописным склонам идет пологий многокилометровый спуск. Удовольствие от катания продлевалось еще на полчаса. Все дружно называли его «*bonus-track*».

Важной составляющей горнолыжного отдыха является *apres ski* – вечернее времяпровождение после лыж. Обычно это сводится к групповому посещению паба или дискотеки. Андрей таких развлечений и в Москве избегал, а в горах всегда искал повод остаться в гостинице и поваляться с книжкой. Большие дозы пива без закуски заканчивались изжогой, а необходимость общаться, перебивая музыку, вызывала у него чисто гигиеническое неприятие. Отдавленные в потной толпе ноги, мокрые от пива губы орущего собеседника в твоём ухе и пропахшая табаком одежда – такие удовольствия после «дня здоровья» были ему непонятны.

Шумные пабы в Банско тоже были, но настоящим открытием стали *механы* – ресторанчики в балканском стиле в огромном количестве разбросанные по переулкам старого города. Живой огонь в камине, неплохие местные вина и ракия (фруктовая водка), огромные порции грубой еды за смешные деньги – все это располагало к неторопливому общению. Правда, пару раз за вечер появлялись цыганские музыканты, неотвратимые и зловещие, как валькирии. Окружив приглянувшийся столик, они начинали оглушительно играть и петь, но, получив пару евро, прекращали экзекуцию и переходили к следующей жертве.

До отъезда оставалось еще несколько дней, но Андрей поймал себя на том, что ему хочется приехать в Банско еще раз. Ощущение по-настоящему домашнего уюта не оставляло его все эти дни. Как и все жители больших городов он периодически задавал себе вопрос: а хватит у меня духу бросить Москву и переехать тихую провинцию? Понятие «дауншифтинга» тогда еще не было сформировано в сознании российских «голубых воротничков», но были факторы, которые уже заставляли думать в этом направлении. Прежде всего, накопившаяся за годы работы «на чужого дядю» усталость. Второй причиной было постоянное ощущение праздника в местах отдыха вместо устоявшейся формулы «подъем – пробки – поиск парковки – работа – пробки – поиск парковки – телевизор – сон». Можно было сколько угодно объяснять себе, что «турист в отпуске видит лишь яркую оболочку», что «для того, чтобы она была яркой, надо, чтобы кто-то здесь жил по этой же формуле...», но искушение гормоном радости было похоже на наркотический соблазн. Третьим фактором был простой экономический расчет – сбережений хватало на покупку достойного жилья в далеком краю, а сдача в аренду двушки в Бирюлево обеспечивала безбедное существование в «стране вечных каникул».

Надо ли говорить, что на следующий год компания почти в полном составе снова оказалась среди заснеженных елок. И снова были бешеные спуски и неторопливые беседы

по вечерам под огромные шашлыки с местным вином. Своеобразным вечерним спортом стал поиск механы подороже, но все равно – потратить за вечер больше десяти евро было сложно.

Банско изменился – здесь начался строительный бум. Там, где еще год назад тянулись бесконечные огороды и сараи, невиданными темпами возводили жилые корпуса в альпийском стиле. Торговля апартаментами шла бойко – агентства недвижимости работали без выходных. Англичане и немцы, которые не могли позволить себе покупку квартиры в Лондоне, Берлине, а уж тем более на модном курорте, с удовольствием вкладывали смешные по их понятиям деньги в покупку *шале* в Пиринских горах. Похоже, платили не за недвижимость, а за «ощущение собственности» и причастности к более солидной прослойке общества.

А потом грянул кризис. Весной москвичам казалось, что это «где-то там – у них, в Европе». К осени стало понятно, что отсидеться за границами ЕС не удастся. Шли сокращения, замораживались проекты, пустели офисы. С Андреем расстались по человечески – «золотой парашют» позволял не бегать по Москве в панических поисках работы, а немного прийти в себя после многолетней работы на износ. Слово «дауншифтинг» уже стало модным, и на интернет-форумах всю обсуждали общих знакомых, улетевших от экономических невзгод на Гоа, Пхукет или Ня Чанг. И тут Андрей понял, что его тихая гавань не в Таиланде и не во Вьетнаме, а в Банско.

* * *

Жилье выбирал по принципу «поближе к горам – лицом к природе». А выбирать было из чего – агентства в Москве на все лады расхваливали свой болгарский товар. Европейцы, раньше россиян почувствовавшие, что такое потеря доходов и привычного уклада жизни, избавлялись от накопленных в Банско квадратных метров с огромным дисконтом. Сначала, как всякий обитатель городского компактного жилья, Андрей загорелся покупкой дома. Кто-то из знакомых задал резонный вопрос: «А кто будет следить за твоей фазендой, если ты там не появишься полгода или год?» Потом были недорогие варианты квартир в обычных жилых домах. Но здесь что-то неуловимо напоминало московское житье-бытье – проблемы с парковкой, чужие вещи на лестничной площадке... Остановился на «шале» – по сути той же квартире, но в комплексе, принадлежащем таким же инвесторам издалека, с собственной территорией, охраной и управлением, заточенным под долгое отсутствие хозяев.

«Зеленая миля» привлекла близостью к горнолыжному спуску. Присутствовал и обычный курортный набор: бассейн, баня, парковка... Начитавшись ужасов про известных артистов, которые купили апартаменты на Золотых Песках, а потом платили космические суммы за содержание своих дальних дач, Андрей прежде всего изучил контракт на обслуживание. В год выходило чуть больше, чем за месяц в Москве. Простота процедуры подкупала – перевод денег, а потом приезжай в назначенный день на нотариальное оформление собственности.

* * *

20 Октября 1912 г., София

«Как можно пить горячий кофе в такую жару?» – Лев отогнал мух от глиняной тарелки с пахлавой. Ни к кофе, ни к сладостям он так и не притронулся. Уже второй час он сидел в кофейне напротив женской гимназии. Столик был у окна и ему хорошо был виден гимназический двор, где странно одетые люди занимались строевой подготовкой. Почти все они были в гражданской одежде, причем самой разной. Были бородачи в крестьянских шароварах и суконных куртках – они выделялись высокими барашковыми шапками. Рядом с ними

старательно чеканили шаг явно городские жители в дорожных костюмах и котелках. Изда- лека были видны их гладко выбритые щеки и нафабранные усы. Несколько человек были экипированы в австрийскую военную форму, но без знаков различия. Какое-то единообразие придавали им одетые поверх крестьянских курток и пиджаков башлыки и портупей. Почти у каждого на боку болтался револьвер в кобуре и казачья лядунка. Дружно грянули песню. Мотив был с «восточными мелизмами», но очень воинственный. Такая мелодия могла быть и у турок, и у болгар-македонцев, и у сербов. Но пели явно по-армянски – Лев уже научился на слух определять этот «акающий» язык. Часто повторялись слова «фидай» и «Андраник».

Две недели назад Лев приехал в Софию поездом из Белграда. Для него, профессионального революционера, было совершенно необычно путешествовать на абсолютно легальном основании. На этот раз он ехал через границу в качестве военного корреспондента газеты «Киевская мысль», а в кармане лежало редакционное задание и рекомендательные письма редакторов г. г. Николаева и Тарновского. И был это не какой-нибудь бульварный листок и даже не меньшевистский «День», а солидное издание с тиражом 50 000 экземпляров. Пробовать себя в качестве корреспондента Лев начал четыре года назад. Заработок был необходим для содержания семьи и издания собственной газеты. Живя в Вене, он публиковал под псевдонимом *Антид Ото* статьи о культурной жизни Европы, стараясь оставаться «в рамках дозволенного». Революционная же полемика велась на страницах издаваемой им «Правды». Но, после того как Ленин «позаимствовал» название и начал издавать собственную «Правду» в Петербурге, о своей газете пришлось забыть. Поначалу Лев пытался бороться с «самозванцами». «Спрашивала ли редакция новой газеты нашего согласия? – писал он из Вены. – Нет, не спрашивала. В каком отношении стоит петербургская газета к нашей? Ни в каком. По какому же праву и кто именно пытается ввести свое предприятие в среду читателей-рабочих под флагом нашего издания? Такого права ни у кого нет и не может быть». Но Ульянов даже не счел необходимым ответить ему. В этот тяжелый момент и поступило предложение от «Киевской мысли» ехать на Балканы. Он не мог отказаться от возможности побывать в «пороховом погребке Европы» и сразу дал согласие. Был здесь и экономический расчет – Лев заодно договорился о сотрудничестве с петербургским «Днем» и с «Одесскими новостями», которые издавал его родственник – Моисей Шпенцер. Злая на язык дочь Моисея, Вера Инбер написала по этому поводу из Парижа: «Ласковый Лейба трех маток сосет».

Человека, которого Лев второй час ждал в кофейне, звали Андраник Озанян. О нем, видимо, и пели марширующие во дворе гимназии люди. Легендарный *Андраник-паша*, о чьей самоотверженной борьбе за права турецких армян писали все европейские газеты. После подавления турками Сасунской самообороны он несколько лет жил в Болгарии. Наконец пробил его час – Болгария, Сербия, Греция и Черногория поднялись против Османской империи. За короткий срок Андраник организовал армянский отряд – 273 добровольца из Болгарии, Румынии, Западной Армении и даже из Англии. Вчерашние крестьяне, ремесленники, учителя, духанщики собрались по его призыву в здании женской гимназии, превращенном в казарму. Лев почти неделю добивался встречи с Озаняном, но тот все время был занят – привозил оружие, закупал продукты, проводил занятия с добровольцами. Встреча была назначена, но сегодня же отряд выступал в Македонию. Это была последняя возможность для личной беседы.

Лев еще раз просмотрел свои записи:

«Озанян Андраник Торосович. 48 лет. Родом из турецкой Армении, когда-то был столяром.

С 1888 года начал революционную работу, в 1892 году примкнул к армянской партии «Дашнакцутюн».

Получает свое боевое крещение в Мушской равнине в 1894. В 1900 году курдский ага Бшаре-Халил, состоявший на турецкой службе, убил одного из самых выдающихся армянских революционеров, Сиропа и был награжден султанским орденом. Через 8 месяцев Андраник совершил свое дело мести: настиг со своей дружиной Халила, убил его и, в качестве трофея, унес с собой орден Абдул-Гамида. В женевском архиве Дашнакцутюн султанский орден хранится и по сей день...

Армяне ему подчиняются, турки его боятся.

«С мирным турецким населением у меня никогда никаких враждебных действий не было, боролся только с беками и администрацией»...

– Лев Давидович, здравствуйте! – раздался голос за спиной. – Простите великодушно за опоздание.

– Здравствуйте, Андраник-паша. – Лев встал и протянул руку.

Перед ним стоял человек среднего роста, в картузе и высоких сапогах, сухощавый, с проседью и морщинами, с жесткими усами и бритым подбородком. Русская офицерская сабля на боку. Вид усталый, но на губах искренняя улыбка.

– «Пашой» меня крестьяне величают. Бойцы зовут меня *зоравар* – полководец. Но для друзей я просто – Андраник. – пришедший говорил по-русски правильно, но с сильным кавказским акцентом.

– Тогда и я для вас – просто Лев. Да что же мы стоим? Присаживайтесь, сделайте одолжение.

Андраник опустился на стул, пристроив саблю между ног. Лев придвинул к себе блокнот, достал карандаш. Вопросы были готовы давно, но для начала хотелось расположить к себе собеседника.

– Андраник, кофе будете пить?

– Благодарю вас, Лев, но времени у меня совсем мало – сегодня выступаем. Я и пришел только потому, что обещал.

– Жаль, жаль... Много вопросов хотел задать. Биографию вашу я знаю, но читателю интересен живой человек.

– Давайте встретимся после похода. Даст Бог, вернусь живым. Тогда и вопросы свои зададите, и рассказать будет чего.

– Ну, хоть в двух словах – почему вы здесь, в Болгарии собираетесь воевать?

Андраник нахмурился.

– Я читал, что пишут обо мне и моих четниках газеты. Мы – не националисты. Я признаю только одну нацию – нацию угнетенных. И это – самое главное.

В кофейню вошел молодой человек в военной форме и направился к собеседникам. Пышные черные усы делали его похожим на опереточного разбойника. Подойдя, он как профессиональный военный щелкнул каблуками и обратился к Андранiku по-армянски. Тот коротко ответил и повернулся к корреспонденту.

– Лев, хочу представить вам командира армянской роты подпоручика Тер-Арутюняна. Лев встал.

– Очень приятно. Лев Давидович.

– Гарегин Егишевич, – молодой военный пожал протянутую руку.

– Господа, – Андраник тоже поднялся со стула, – я вас, пожалуй, оставлю – дела, а господин подпоручик уделит вам, дорогой Лев, минут двадцать.

Козырнув, Андраник, направился к выходу.

– Гарегин Егишевич, – с трудом выговорил Лев, – вы русский офицер?

– Нет, Лев Давидович, я подпоручик болгарской армии. Окончил офицерскую школу Дмитрия Николова в Софии.

– Вы прекрасно говорите по-русски...

– Это не удивительно – я ходил в русскую школу в Нахичевани, потом – в гимназию в Тифлисе, два года учился в Петербургском университете на юриста.

– Вы не закончили курса?

– Пришлось прервать. Вы слышали про «лыжинский процесс»?

– Как же, как же – процесс против членов партии Дашнакцутюн. Петербургский следователь Лыжин, насколько я знаю, преуспел в подлогах и лжесвидетельствах. Почти всех оправдали.

– Оправдали... Но и курса закончить не дали.

– Гарегин Еги... Егишевич, скажите...

Военный улыбнулся.

– Зовите меня *Нжде*.

– Нжде? – Лев сделал пометку в блокноте. – Это ваше болгарское имя?

– «Нжде» по-армянски – «странник»...

* * *

«Зеленую милю» достроили в октябре. Можно было приезжать на оформление собственности и начинать обживать «дальнюю дачу». Но Андрей не торопился – хотелось все-таки снова попасть в зимнюю сказку, а не портить себе впечатление осенними дождями. В конце декабря интернет показал устойчивый снежный покров на склонах Пирина. Можно было продавать машину и собираться.

Что брать с собой? По контракту подрядчик сдавал шале полностью меблированным. Оставалось позаботиться о разных бытовых мелочах – белье, посуда... Наверняка, все можно было купить на месте, но самолет прилетал в Софию вечером, когда магазины уже закрыты, а надо было на чем-то спать и хотя бы иметь с собой кружку для утреннего кофе. Работу пока никто не предлагал, времени было достаточно, и Андрей, чтобы занять себя, принялся составлять длинный список вещей для новоселья. Оказалось, для того, чтобы провести первую ночь на новом месте, человеку необходима масса вещей – постельное белье, подушка, одеяло, полотенца, чашка, ложка, чайник, фен, тапочки... Потом ездил по магазинам, чего раньше терпеть не мог. Теперь же ему доставлял удовольствие «бытовой маркетинг».

Он донимал продавцов вопросами о потребительских свойствах белья и посуды, чувствуя себя вредным экзаменатором перед первокурсниками, сравнивал цены, делал пометки в списке. Когда к покупкам прибавилось горнолыжное снаряжение, гора вещей посреди комнаты вызвала просто животный испуг. В самолет с таким объемом могли просто не пустить. Кто-то из друзей посоветовал купить вакуумные мешки для упаковки. Андрей поразился эффективности этого изобретения. Огромное синтепоновое одеяло и подушки вместе с простынями еле влезли в объемный пакет. Но когда при помощи пылесоса он удалил из мешка воздух, то объемный тюк превратился в плоскую лепешку. Так же были упакованы одежда и полотенца. В итоге все поместилось в большой чемодан.

Андрей особо не афишировал свое приобретение, но незадолго до отъезда заехали в гости Миша с Таней. Оказалось, что они отправили детей в зимний лагерь в Финляндию и теперь искали компанию для поездки в горы. Не откладывая дело в долгий ящик, Андрей позвонил в «Зеленую милю» и договорился об аренде квартиры для них.

* * *

Друзей удивило название аэропорта – «Враждебна». Андрей поймал себя на том, что никогда не задумывался, почему софийский аэропорт так называется. Встречал их служебный микроавтобус из «Зеленой мили». Водитель стоял в зале прилета с табличкой «Андрей Мелконян+2». Миша с Таней первыми подошли к нему и, таинственно подмигнув, представились: «Первый», «Второй». Коротышка-шофер ничего не понял, но схватил в охапку Танины лыжи и рюкзак.

На улице уже стемнело, так что полюбоваться пейзажами не получалось. Андрей с Мишей переглянулись и достали из пакета бутылку клюквенной водки, купленной в Duty Free. Таня почистила апельсин. Минут через сорок все трое уже крепко спали под веселую болгарскую музыку, льющуюся из динамиков микроавтобуса.

Несмотря на поздний час, на месте их встречал директор комплекса. Маленький, крепко сбитый, очень похожий на водителя, который их привез. Выяснилось, что это его родной брат. «Боян», – представился он и стал помогать разгружать вещи. У порога новой квартиры Андрей остановился и на полном серьезе спросил у Бояна:

– Кота нет?

– Здесь нет кота, – пожал плечами тот. – У вас аллергия?

Уставший Андрей не стал ничего объяснять про русские обычаи и открыл дверь. Посреди комнаты на столе красивым натюрмортом были скомпонованы: бутылка вина, штопор, два бокала, открытка «Добро пожаловать!» и горящая свеча. Видно было, что его ждали.

– Wow-effect? – подмигнул он директору.

– Sure, – гордо кивнул тот. – Enjoy your stay.

Уходя, он повернулся и неожиданно добавил по-русски: «Штопор потом верните...»

* * *

Нотариус Снежана, у которой регистрировалось право собственности, хорошо говорила по-русски. В шкафу у нее в кабинете красовалась огромная коллекция дисков Высоцкого и Окуджавы, а на столе лежал томик Бродского. По правилам на оформлении присутствовал переводчик, который говорил по-русски намного хуже нотариуса, но у него, как объяснили Андрею, «была лицензия».

– Вы сказали, что вас зовут Андрей, – заметила Снежана, – но в документах указано другое имя – Андраник.

– Да, по паспорту я – Андраник, но все зовут меня Андреем.

– Какое интересное имя. Русское?

– Нет. Меня так называли по настоянию моего деда-армянина.

Потом ему долго читали по-болгарски правоустанавливающие документы. Переводчик что-то бубнил по-русски. Андрей успел задремать.

– Последняя формальность, – сказала нотариус, – надо заполнить декларацию и подтвердить происхождение денег.

– Какую декларацию?! Меня не предупредили. Я бы справку о доходах взял.

– Ничего страшного, – рассмеялась Снежана, – просто напишите на этом бланке: «Собственные средства, накопленные за 10 лет». И все.

Этим же вечером новоиспеченный владелец зарубежной недвижимости (и, соответственно, болгарский налогоплательщик) давал банкет в честь радостного события. По телефону был заказан столик в любимой механе «Барякова къща». Когда четырехчасовая баранина уже была съедена, а официант принес вторую бутылку ракии, Миша с Таней пере-

глянулись и заявили: «Слушай, а нам здесь хорошо!» Андрей удовлетворенно кивнул, мол, конечно – хорошо. И баранина нежная, и ракия как слеза...

– Да мы не про кабак, – отмахнулся Миша. – Нам в принципе здесь нравится. И горы, и городок этот.

– Приезжайте почаще в гости. Буду рад.

– Да мы бы тоже не против тут сараюшку прикупить. Кто тебе твою продал?

Следующий день посвятили осмотру жилья на продажу. Холостяцкие апартаменты, как у Андрея, их, конечно, не устроили – большая семья там бы не поместилась. Ничего подходящего в наличии уже не оставалось. Гениальная мысль пришла в голову Тани. «Стенку между двумя квартирами сломать сможете?» – неожиданно спросила она. В результате получилось шале для большой семьи. «Будет у нас штабной вагон», – с удовлетворением отметил Миша.

Появление Миши и Тани в Банско в качестве соседей спровоцировало цепную реакцию – среди знакомых по Москве поползли слухи о «малом Куршевеле». Следующей жертвой стал Гена – известный столичный жуир и бонвиван. «Понимаешь, старик, – объяснял он Андрею, уплетая баранину в „Баряковой къще“, – мне полтинник скоро стукнет, а все, что у меня было, я бывшим женам раздал. Хочется что-то осязаемое на старость завести». Поселился он в соседней квартире, что было весьма удобно – по утрам Андрей с Геной вместе пили кофе, любуясь видом заснеженных вершин и вспоминали девушек из московской тусовки.

Приезжали в гости друзья, друзья друзей, родственники. И почти все начинали прицениваться, стучать кулаком по стенам (крепко ли стоит) и задавать мудреные вопросы про водопровод и канализацию. Было уже непонятно, что привлекало сюда людей: магия места, возможность за сравнительно небольшие деньги почувствовать себя владельцем зарубежной недвижимости или известный русский принцип «все побежали – и я побежал». До конца горнолыжного сезона еще двое знакомых из Москвы справили новоселье под музыку Бреговича в исполнении местных цыган. Последней в электричку впрыгнула Бэла – бизнес-леди из Москвы, которая несмотря на молоджавый вид успела обзавестись внуками и справедливо рассудила, что дача в Подмосковье обойдется ей дороже.

* * *

Закончился горнолыжный сезон, разъехались друзья и знакомые. В городке стало совсем тепло, хотя выше, в горах кое-где еще лежал снег. Постепенно опустела «Зеленая миля». Многие ресторанчики и магазины закрывались на лето. Дни проходили в прогулках по лесу, переписке с друзьями и чтении. «Если это и есть настоящий дауншифтинг, то, похоже, я поторопился, – начинал понимать Андрей, – рано мне еще в отшельники». А пока пришлось купить горные ботинки и рюкзак. По мере того, как сходил снег, прогулки в горах становились все длиннее. Из под снега появились указатели маршрутов с обозначением времени и степени сложности. Организм потихоньку привыкал к нехватке кислорода на высоте, и, если поначалу маршрут с обозначением «2 часа» занимал не менее трех, то постепенно удавалось укладываться в норматив и даже опережать его.

В мае на парковке возле дома появилась новая Subaru с российскими номерами. «38-й регион, – обратил внимание Андрей. – Откуда бы это?» Вездесущий интернет указал на Иркутск. Вскоре удалось увидеть и хозяина машины – долговязый парень в толстовке с капюшоном выгружал из багажника металлический крепеж и инструменты.

– Обживаетесь? – спросил, проходя мимо, Андрей. – Ремонт затеяли?

Парень вскинул голову.

– Да так – мелочи... Шкафчики там, полочки...

– Помочь донести?

– Нет-нет! – как-то испуганно ответил новый сосед. – Я сам!

На следующий день Андрей встретил его в продуктовом магазине. Парень набирал в корзинку типичный холостяцкий набор: нарезка, чипсы, пиво... Кивнули друг другу и каждый занялся своим делом. Но на обратном пути возле идущего по обочине Андрея притормозила Subaru.

– Садись, подброшу, – парень освободил переднее сидение от пакетов с продуктами.

– Спасибо, не откажусь. Меня Андрей зовут.

– Саша, – сосед пожал протянутую руку.

– Надолго в Банско?

– Полгодика поживу – там видно будет.

– Так больше по нашей визе и нельзя. Или ВНЖ получил? – поинтересовался Андрей.

– Пока нет, но подумываю здесь юрлицо открыть – тогда и ВНЖ получить можно будет.

– А чем занимаешься?

Парень замялся.

– Я юрист... Но работаю дистанционно. Консультации, подготовка документов...

– А сам откуда?

– Я москвич.

– Понятно – земляк, – Андрей не стал задавать вопросы по поводу иркутских номеров на Subaru.

Александр приобрел большую мансарду над квартирой Бэлы. К себе никогда не звал: «У меня там ремонт, грязно...», но сам в гости заходил с удовольствием. Расспрашивал больше про местные клубы и дискотеки. Тут от Андрея было мало пользы – он предпочитал более спокойные места для отдыха. Пару раз он съездил с Сашей за компанию в соседний городок Добриниште. Там тоже был небольшой горнолыжный курорт – пара подъемников и единственная, но довольно длинная трасса. Летом подъемник работал для пешеходов, доставляя их наверх к живописным горным озерам. Озера соседа не заинтересовали, но про местные клубы он подробно расспросил официантов в придорожном кафе. Самым тусовочным местом здесь оказался «Минерален пляж» – огромный открытый бассейн с горячей минеральной водой, окруженный барами, зонтиками и лежаками. Но пока все заведения стояли пустыми.

* * *

В июне в Банско стали возвращаться туристы. Вместо горных лыж в прокатных конторах появились велосипеды, а спортивные магазины теперь торговали одеждой и обувью для горных походов. Снова стали открываться ресторанчики-механы, а в местный гольф-клуб съехались пижоны в белых брюках со всей Европы. На центральной улице Пирин снова звучала иностранная речь. Зазывалы на всех языках заманивали туристов отведать баранины и *шкембе-чорба* – супа из потрохов.

Саши из мансарды теперь почти не было видно. Subaru по-прежнему стояла на парковке, но по вечерам он пропадал в клубах, а потом отсыпался и из квартиры не выходил. Андрей купил в прокате подержанный горный велосипед и теперь проводил дни в прогулках по окрестностям. Даже с использованием пониженной передачи было трудно крутить педали в гору – сказывались и высота, и отсутствие физической подготовки. Зато поездки по сосед-

ним городкам долины доставляли большое удовольствие. Добрался и до Добриниште, куда они ездили в апреле с Сашей. Увидев знакомую вывеску «Минерален пляж», Андрей решил не отказывать себе в удовольствии поплавать в бассейне в жаркий день.

На территории комплекса гремела музыка и было много людей. Похоже, приезжали сюда большими компаниями и на целый день. В путь Андрей отправился без вещей, так что пришлось купить плавки и взять напрокат полотенце на ресепшне. Переодевшись, он пошел искать свободный шезлонг. Народ с удовольствием плескался в огромном овальном резервуаре с минеральной водой. Один из баров обслуживал клиентов прямо в бассейне – стойка находилась почти на уровне воды. «Интересно, – подумал Андрей, – а откуда они деньги достают? Из плавков?» Найдя свободное место, он поскорей прыгнул в воду, чтобы освежиться. Эффект его немного удивил – минералка, наполнявшая бассейн из подземного источника, оказалась почти горячей! Зато не было обычного для бассейнов запаха хлорки. Видимо, проточная вода не требовала дезинфекции. Там, где происходил налив, на поверхности возникали буруны, и казалось, что горячая жидкость сейчас закипит. Круглые борта, горячая вода, мелькающие, словно макароны, руки и ноги – возникало ощущение купания в кастрюле с супом. Вернувшись к своему лежаку, Андрей неожиданно почувствовал, что замерз на воздухе. После горячего купания день уже не казался жарким. «Надо кофе или чаю выпить и согреться», – решил он направился в кафе. Свободных мест не было, но за крайним столиком сидел сосед Саша. В отличие от посетителей, одетых, в основном, только в плавки и купальники, он был в брюках и рубашке. Спортивная сумка стояла рядом на стуле.

– Саня, привет, – обрадовался Андрей. – У тебя свободно?

Но Сашу, похоже, смутило его появление.

– Андрюха, понимаешь, у меня тут встреча... Надо с людьми переговорить.

– Никаких проблем, – ответил Андрей. – Не буду мешать.

– Ну, без обид – ладно?

Взяв в баре стакан горячего шоколада, Андрей вернулся к своему шезлонгу. Отсюда хорошо было видно все, что происходило в кафе. К Сашиному столику действительно подошли двое парней. Сели, что-то спросили, но, не проговорив и пары минут, встали и ушли. Очевидно, назначенная встреча закончилась, но Андрею было уже лень возвращаться, и вообще, приятнее было лежать у бассейна. Горячий шоколад и теплый ветерок действовали успокаивающе и он задремал. Проснулся минут через двадцать, когда тень от зонтика переползла в сторону, и стало припекать солнце. Андрей сел, размял затекшую шею и бросил взгляд в сторону кафе. Саша все еще был там, но опять не один. Какой-то парень в мотоциклетной куртке как раз вставал из-за его столика.

Андрей пробыл на пляже еще часа полтора. Еще раз искупался в горячей воде, принял душ и стал собираться домой. Саша все сидел за своим столиком и, похоже, опять кого-то ждал. «Ушлый народ эти юристы, – подумал Андрей. – Везде клиентов найдут». Прощаться не стал. Сел на велосипед и не спеша покатыл в сторону Банско.

* * *

19 мая 1918 г., Ани (Карская область)

Звук канонады уже был слышен в здании музея. Толстые стены бывшей мечети Минучихр создавали иллюзию безопасности, но Нжде понимал, что ни эта метровая кирпичная кладка, ни остатки средневековой крепости не выдержат снарядов из немецких пушек, которыми были вооружены турецкие части, осаждающие Ани. Год назад, когда он был назначен городским комиссаром Александрополя, казалось, что наступил долгожданный мир. Но вот уже и Александрополь, и Карс были заняты султанскими войсками.

«Не сосчитать уже – в который раз эта область переходит из рук в руки, – подумал Нжде. – Какими же идеалистами надо быть, чтобы создавать здесь музей. Хотя, похороните музыку и поэзию, и наш мир превратится в хлев...» Он огляделся вокруг – пустые витрины и ящики, ящики, ящики... Ящики из-под патронов, чая, конфет, аккуратно сколоченные, с надписями «Н. Марр, Петроградъ» и просто деревянные клетки с торчащей из них соломой.

Неделю назад Ани покинула последняя группа археологов. Лорис-Калантар сам бережно грузил экспонаты в телеги. Белый парусиновый костюм, тропический пробковый шлем, аккуратная борода клинышком и запах дорогого одеколона – этот ученый секретарь Комитета охраны древностей Армении странно выглядел среди вооруженных грязных людей. Нжде удивляло его мужество, граничащее с безумием. По охваченной войной Карской области рыскали курдские отряды, которые, не разбираясь, грабили всех, кто попадался им на пути.

– Ашхарбек Андреевич, – уговаривал его Нжде, – бросьте вы эти черепки! Ну не могу я вам дать охрану – каждый человек на счету.

– Гарегин Егишевич, это не черепки. Это – прекрасно сохранившаяся керамика времен Сефевидов. Надеюсь, грабителей эти артефакты не слишком привлекут. Так что не беспокойтесь.

– Так может закопать эту керамику где-нибудь поблизости? Вернетесь – откопаете. Восстановите ваш музей.

– Боюсь, про музей в Ани придется забыть. Сюда движется 2-й Кавказский корпус генерала Карабекира. Он поклялся стереть армянские памятники с лица земли. Будем создавать новый музей в Ереване. Орбели обещал помочь.

Ученый помялся, снял пенсне и нерешительно посмотрел на Нжде. Видно было, что он хочет обратиться с просьбой и не решается. «Попросит оружие – дам пару маузеров», – подумал Гарегин.

– Спарапет! – наконец решился Лорис-Калантар.

Нжде удивился. Обращение «*спарапет*» (командир) было слишком официальным.

– Слушаю вас, Ашхарбек Андреевич.

– Эти два ящика я не смогу взять с собой. Не хочу рисковать ни людьми, ни экспонатами. Могли бы вы обеспечить им сохранность?

Он указал на два металлических сундучка с музейными номерами на крышках.

– Что же в них опасного?

– В этом – *оски*, – положил он руку на крышку ближнего ящика.

– Оски? То есть – золото?

– Здешние армяне так называют налобные украшения из золотых монет. Их носят замужние женщины. Это всего лишь золото, монеты, собранные местной общиной на покупку оружия для фидайнов. Самым безопасным местом для хранения казался наш музей – замки, охрана... Для науки «черепки» куда важнее. А для грабителей – это повод перерезать моих людей и перебить экспонаты.

– А что же во втором? Неужели бриллианты? – улыбнулся Нжде.

– Почти... Это зарисовки и фотографические пластинки, сделанные профессором Марром в окрестных монастырях. Здесь же расшифровки, выполненные самим Николаем Яковлевичем. Боюсь, что скоро памятники, которые изучал Марр, будут разрушены. Так что для науки это – бриллианты.

– А их-то почему вы не хотите взять с собой? Для грабителей это – всего лишь бумаги.

– Почти все надписи на *грабаре* – древнеармянском языке. Есть какая-то часть на персидском и турецком, но основная часть – грабар. Для турецких офицеров такой архив равен подписанному смертному приговору.

Старые стены затряслись. Видимо, снаряд упал совсем близко. «Ну, вот и все, – подумал Нжде, – опять эта земля достанется туркам. Как там Ашхарбек и его люди? Живы?» Он вышел из здания мечети. На площади стоял длинный автомобиль Рено с открытым верхом. К чемоданной решетке сзади были крепко привязаны оба ящика. Рубен Мелконян, заместитель Нжде стоял рядом, нетерпеливо пиная камешки носком пыльного сапога. Как и его командир, он не расставался со своим любимым оружием – маузером в тяжелой деревянной кобуре. Башлык на голове, тяжелый взгляд воспаленных от бессонных ночей карих глаз, огромные усы, как у оперного злодея – издали его можно было принять за Нжде. Их иногда называли братьями, так они были похожи. Похожи были и их судьбы – оба оставили свои семьи и полностью посветили себя борьбе. Гарегин надел протянутые водителем очки-«консервы» и устроился на заднем сидении рядом с Рубеном. «Поехали», – коротко бросил он шоферу.

* * *

Летнее оживление началось и в «Зеленой миле». С открытого бассейна сняли закрывавший его в зимний период чехол, расставили шезлонги и зонтики. Теперь во дворе целый день гремела музыка и раздавались крики детей, прыгающих с разбегу в воду. Сидящий рядом с бассейном молодой качок с надписью «спаситель» на майке увлеченно читал книжку и на это безобразие внимания не обращал. Андрей надеялся найти компанию своих ровесников среди приезжих, т. к. отшельнический образ жизни уже начинал его угнетать, и каждый день внимательно изучал публику во дворе. Увы – в основном это были весьма пожилые английские пары и бабушки с внуками, которых ссылали сюда на лето владельцы апартаментов.

Парковка постепенно заполнялась автомобилями. Появились машины с иностранными номерами – греческими, немецкими, сербскими. Однажды утром Андрей увидел даже пару желтых английских номеров. Сам не большой любитель сидеть за рулем, он всегда с уважением относился к автопутешественникам, способным пересечь всю Европу. Велосипедные прогулки по-прежнему доставляли ему удовольствие, но придумывать новые маршруты уже не получалось. Окрестные достопримечательности он уже осмотрел, а двигаться дальше не позволял горный рельеф – спортивной подготовки для езды по горам пока не хватало. «А не купить ли мне машину?» – стал задумываться Андрей. Поездка на маленький местный авторынок удивила своими ценами – за ту скромную сумму, которую Андрей выделил на покупку старенького Fiat Punto или Daewoo Matiz, в Болгарии можно было приобрести вполне живой паркетник не старше десяти лет. Авторынок сильно отличался от московского. Транспортный налог, как объяснили продавцы, тоже отличался от российского в меньшую сторону. Не радовала только вполне европейская стоимость топлива.

– На кого оформлять будешь? – спросил продавец.
 – В каком смысле «на кого»? – удивился Андрей. – На себя, любимого.
 – У тебя есть вид на жительство?
 – Нет, по моей визе я могу здесь 180 дней находиться.
 – Тогда не получится. Получай вид на жительство или оформляй на знакомого болгарина.

На поисковый запрос «покупка машины в Болгарии» интернет выдал информацию, что путей для россиянина здесь три: получение ВНЖ, оформление на болгарина и открытие фирмы с последующей регистрацией автомобиля на эту фирму. Оформление ВНЖ занимало несколько месяцев и накладывало определенные обязательства по непрерывному пребыва-

нию в Болгарии. Андрей пока не определился со своими дальнейшими планами, поэтому этот вариант отпал. Близких друзей-болгар он еще не завел. Оставался третий путь – открытие фирмы.

Директор «Зеленой мили» Боян порекомендовал знакомого юриста в соседнем городке. За 300 евро тот взялся зарегистрировать новую компанию в течение недели. «Только название сам придумай», – поставил он условие. Название... Ничего путного Андрею в голову не приходило, поэтому ляпнул первое, что пришло на ум: «Андраник Интернэшнл». Знакомый Бояна не подвел – через неделю документы на новую фирму и печать лежали в рюкзаке директора и единоличного владельца – Андраника Мелконяна, гражданина РФ. «Можешь теперь бизнесом заниматься», – сказал на прощание юрист.

Дело было за малым – надо было купить машину. Площадка по продаже подержанных машин в Банско была только одна, а Андрей любил выбирать там, где много. Интернет сообщал, что вся Болгария ездит покупать автомобили в Дупницу, город неподалеку от Софии. Там были сосредоточены несколько десятков площадок. Ехать туда с деньгами на автобусе было страшно, так что опять пришлось обратиться за помощью к Бояну. Тот легко согласился свозить Андрея на авторынок за полную заправку его старенького Мерседеса. Только предложил ехать не в Дупницу, а в другую сторону – Гоце Делчев. «Площадок там всего пять, но и цены ниже, и народу меньше. Нет воров и кидал, которые крутятся вокруг крупных рынков», – объяснил он.

На следующее утро, заправив машину газом (из-за дороговизны бензина многие болгары перевели свои автомобили на газовое топливо), Андрей с Бояном катили в Гоце Делчев. Дорога шла по удивительно красивым местам. Сначала это была долина, разделяющая две горные системы – Пирин и Родопы. Потом начался серпантин в каменном ущелье. Километров через десять перед ними открылся почти тосканский пейзаж – изумрудные холмы, покрытые виноградниками. Андрей пожалел, что не взял с собой фотоаппарат. Последние несколько километров дорога шла вдоль узкой, но бурной речки. «Эта река называется Места, – объяснил Боян. – Она заканчивается в Греции и впадает в Эгейское море». Оказывается, до границы с Грецией было всего пятьдесят километров, а до средиземноморских пляжей – три часа езды на машине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.